

ПЛЯСКИ

Сов. культура. - 1990. -
21 апр. - с. 6

НА КОСТЯХ

Когда в одном из мартовских номеров «Огонька» появилась броская статья о возрождении театра «Летучая мышь», мы — я и моя жена — решили: надо туда пойти! Мы оба — очень немолодые люди, отдавшие всю жизнь театру. Наш человеческий и профессиональный интерес к «Летучей мыши» подогревался и воспоминаниями о собственном участии в традиционных «капустниках» ленинградского Дома искусств.

Глубочайшее разочарование и огорчение принесла нам встреча с новым «театром». Увы, все мы оказались не в храме искусств, а в полном согласии с тигулом на программке, в хозяйственном предприятии «Комплекс», где на первые роли вышел дух конъюнктуры. Именно этот дух заставил «художественного руководителя» театра (он же — автор, режиссер и ведущий спектакля) Г. Гурвича и подвластных ему актеров пренебречь нормами и эстетики, и этики.

Расскажу оглавному эпизоду представления, особенно сильно взволновавшем и тяжело поразившем нас. Ведущий, указывая на нарочито нескладную, нелепо одетую артистку с детскими косичками и дурацким бантом на голове, заявляет: «Но одну из вас все же ожидает счастливая судьба и слава!». В ответ на это нелепая барышня взвизгивает — и тут выясняется, что так представлено начало вокальной карьеры знаменитой советской певицы В. В. Барсовой! Затем актриса фальшивым фальцетом исполняет некое попури из «Жаворонка» и «Соловья». А ведущий стоит рядом и... безостановочно, изо всех сил кривляется. Между ужимками и прыжками он читает отрывки из воспоминаний и писем Барсовой. Отчетливая тенденция «литературного монтажа» заключается в том, что вот, мол, «благородные артисты» вместе с Балиевым удрали в Париж, а осветившая Барсова предала искусство и своих друзей, продалась новым властям.

И такое внушается публике, большинство которой впервые слышит это имя! Апофеоз сцены: читает «ударную цитату»: «Барсова отправляется на заседание парткома Большого театра», — конференсы усугубляет нелепый наряд партнерши тем, что напяливает на нее... фрак с какими-то медалями.

Ничего более оскорбительного, пошлого, унижающего честь и достоинство замечательной, великой певицы, подлинной народной артистки Валерии Владимировны Барсовой придумать, на наш взгляд, нельзя.

Скажу без околичностей — я член семьи Барсовой, ее пасынок. Память о Барсовой я чту свято. И не только из родственных чувств, а потому что Барсова всей своей жизнью заслужила именно такое отношение.

Да, Барсова начала работать в театре «Летучая мышь» в 1915 году. Она пришла туда, когда, будучи студенткой консерватории, вынуждена была зарабатывать себе на жизнь и на оплату учебы уроками. Гонорары

Балиева позволяли избежать голода, нищеты, исключения из консерватории, помочь старшей сестре — будущему крупному педагогу вокала М. В. Владимировой — расплатиться с долгами. Изо дня в день — подъем в 5 часов утра, учеба, занятия с учениками, репетиции в театре, вечерние классы в консерватории; наконец, до глубокой ночи — театр, где она играла по несколько ролей за вечер, пела, танцевала.

Весной 1917 года, задолго до распада театра Балиева, Барсова уходит из «Летучей мыши» в Оперный театр С. М. Зимина. А в 1919 году происходит счастливейшее событие в судьбе Барсовой. Импресарио «самого» Федора Ивановича Шалаяпина Исая Дворищину приглашает ее в театр «Эрмитаж» — заменить в «Севильском цирюльнике» «саму» Антонину Васильевну Нежданову, неожиданно заболевшую. Барсова спела Розину так, что после спектакля Шалаяпин строго наказал Дворищину: «Всегда бери эту маленькую!». И с 1920 года уникальное колоратурное сопрано В. В. Барсова — солистка Большого театра.

Да, Барсова уже в 13 лет являлась членом подпольного марксистского кружка. Да, она приняла революцию, как ее приняли Луначарский, Маяковский и Брюсов. Да, она была членом партии и даже членом парткома ГАБТа. Да, она рано вошла в «обойму» признанных артистов наряду с корифеями МХАТа, Большого.

За свою причисленность к «элите» она, как и почти все большие артисты того времени, заплатила дорогую цену. Она была лишена воздуха настоящего, свободного творчества, возможности завоевать положенную ей по таланту мировую славу, радости общения с широким миром планетарного искусства, хотя несколько раз и выезжала за рубеж.

А разве Никита Федорович Балиев, «отец» «Летучей мыши», был ангелом в безукоризненно белых демократических одеждах?

Реабилитируя сегодня Балиева, возвращая его имя нашей культуре, следует объективно оценить обе его ипостаси — человека, влюбленного в театр, и ловкого коммерсанта, умело торговавшего искусством. Недаром Н. Эфрос, прослеживая эволюцию «Летучей мыши», говорил о четырех периодах ее: от интимного, высокоинтеллектуального мхатовского кружка к полукрытому, а затем открытому театру-кабаре с откровенной богемностью — и, наконец, к более чем доходному театральному делу со сторублевыми столиками с шампанским. И бегство Балиева в Париж — это не столько гражданский подвиг, сколько расчетливый поступок бизнесмена, понявшего, что его дело прогорает.

Да, Балиев и его детище имеют право на место в истории нашего театра. Но нельзя возрождать несправедливо забытое старое или строить новое, отплясывая на чьих-либо костях.

И. МУРСКИЙ.

МОСКВА.